

Галя МАРКЕЛОВА Стихи 2013 года

Пятого марта 2013 года исполняется шестьдесят лет со дня смерти Сталина и столько же — с момента написания моего первого стихотворения, которое было приурочено к этому событию и, естественно, отправлено в "Пионерскую правду". С тех пор у меня не складываются отношения с редакциями. А поводом было вот что. Нас, ученик младших классов женской школы, ставили попарно у портрета вождя, дабы подчеркнуть великую скорбь. Когда пришла моя очередь, возмущенная классная обзвала меня "бесчувственным бревном" и стала щипать мои щеки... Уж как я обиделась! А тут (в Интернете) слышу диалог ведущего с каким-то сталинником... Ух, как я разозлилась, совсем как Елизавета Стамерова, у которой вся семья побывала в сталинских застенках, включая ее саму, когда в Потти та оказалась на углу улиц Сталина и Джугашвили...

Когда б узнал Сосо, семинаристик рыжий, усатое лицо — тот призрак дачи ближней; когда бы Коба знал, бандит и каторжанин, как будут знак ловить евоных пожеланий; когда б мог знать т. Сталин, какие сталинята тут повыврастали... От ужаса прозрения его б тогда свело, дотла б он раскурочил сибирское сельцо; от холода презрения к любой из партячек он в Туруханском крае остался бы священником; от ясности грядущего, дрожащего слезой в глазах у населения одной шестой, вернулся бы башмачником в аул, скорей, домой...

Назидания

1. Юнец, когда ты терещишь губу, лик будущий свой прозревая, оглядывайся чаще — кровавые потоки те, за твоей спиной, чьи, твои или иначе?!

2. Лучше нарушить гостеприимства закон и не впустить рыжего барина в дом, чем от всего страдать и мучиться, что из того лет через тридцать получится.

3. Кто в юности сидел иль был в сиротском доме, добравшись до высот, подобен станет Кобе...

Брауншвейгский золотой

Феликсе Бернардовне Ковальчик.

Взаимности абсурд рогатками неравенств нацелен Гауссом в предательский прогресс, бурлящий братством, равенством под вереск французским петухом ошипанных принцесс, хлобыщет где по бирж усущам их жертвенная кровь, и рыщет, бродит по Европе свободы навь и новь. Ах, бедный Карл, тебе какое дело до призраков и до людских страстей, до слуха твоего недолетельный лязг гильотин окрест свистит и шейных хруст костей... Ах, Карл, ты корчишься над горсточкой телец каверзных чисел, ты карлишься над вечной красотой, явленною чрез скрежет *reziprozitatsgesetz*, даря в копилку Бытия свой брауншвейгский золотой.

Смарагда травяное буйство лета сверчковая свирель глотком смирила зноя, взор утомился в поисках покоя... В лиловую вуаль теней укрыться б от балета дриад, от призрака кистей, колен, голов, от пляски феерической и сочной, закруженной вокруг кости височной, там запредельность па и легкости гавот

не шевелят пространства разворот из смачных изумрудов трав, подернутых дорог летучей пылью... Миг выхвачен и остановлен, все же один вопрос несправданный душу гложет: охристым бархатом пыля, дорога выведет куда? Что там, за планкой рыжих крыш, Иерусалимский град ли, шиш, или Бардо иллюзион нагонит новой жизни сон? Вопросов, в принципе, немного: что Там, куда пылит дорога? Мы будем пылью иль уж были, про что талдычил нам Хайям? Круг замкнут, или по спирали напрасно душеньку гоняли, и что же Там

за шумом камыша — Небесный град иль все же ни шиша?

Маленькое письмо к Сумако Фукао

Карминные помидоры, изумрудные перцы лежат на столе моем... Ах, были бы баклажаны, тогда бы Ваш, далекая девушка, экстаз посетил бы мой дом неожиданно за столько лет первый раз, а так — неполный комплект... Бог мой, сколько минуло лет! А память сберегает чужой натюрморт, японским стихом заполнен рот. Сейчас никого не удивишь Востоком: на углу, на каждом — sake с суши, суши с sake — всякая шваль их смакует с восторгом! Всех, поголовно, лишает покоя нечто такое — Янь с Инь, Инь ли с Янь — напряжение спин или сплав?

Ах, хватило бы на баклажаны, призраки разные не терзали бы сердце ножами! Каторжно, не будучи японкой, сохранять лицо, когда в скупку сдаешь обручальное кольцо...

P. S. Не подумайте, милая, что я за коммунистов и Советский Союз,

это я ныне и жить, и умирать боюсь.

Тень едва родившегося дня — тонкая, прозрачная, немая — деликатно нам напоминает о разнообразье бытия. И пока еще мир видимый не в резкости, не прицельно наведен зрачок, оглянись, поэт! Дразнит, цепляет, как ленивого червя, сажает на крючок вымысел из царства полутеней — полусонно томный обормот. Ты попался, и тебя он не отпустит, но опустит в морок, в мусть, на дно омута забвенья — подсознания... С чем ты вынырнешь? И вынырнуть дано ль? И вынырнешь ли вновь?

Зеленоватой бабочкой софоры июнь скончался, зацепив строфой... Ей зреть, ей набираться сил, покачиваясь до унылых стуж и отрицая мелочность листвы да ветра бесконечные нападки, метаморфозы разрешать загадку,

глядясь в зеркальный профиль луж... И тонкий план перерождений, преображений в ней самой, следочком хиленькой фелюжки высказывает за волной... Из дали прошлого июня, глубинный поднимая зной, всплывает миг, когда с тобою мы окунались в странный рой, крылом, вспорхнувшим над судьбой и над неверною кормой... Залогом жизненной интриги отгмонят у наших ног тех бабочек софоры игры в медвяный, пряный, лишней слог. Код времени, код постоянства, надежды крошечный комок, в зеленоватое пространство плода любовно утаен залогом, что повторится, приключится еще хотя б один июнь в софорах с нашею жарой. Прости мне женскую уловку — твоя строфа забытых лет хранится меж страниц той книги, которой не было и нет...

Вера ЗУБАРЕВА К далекой, дорогой... К Одессе...

Вера Зубарева родилась в Одессе, окончила ОГУ, автор новой теории драматического жанра и чеховской комедии нового типа. Эмигрировала в США, живет в Филадельфии, защитила докторскую диссертацию по литературе в Пенсильванском университете. Автор многочисленных книг, главный редактор литературно-публицистического журнала "Гостиная", в котором публикуют произведения одесситов, проживающих в различных странах мира. Первый лауреат премии им. Беллы Ахмадулиной.

Впервые я услышала стихи Веры Зубаревой на поэтическом вечере "Зеленая лампа" во Всемирном клубе одесситов. Узнала, что она была ученицей и другом блистательного литературоведа С.П. Ильёва, занимается изучением творчества Чехова и эмигрировала в США, где продолжает заниматься литературой.

О литературной жизни в Америке и не только

В Америку я поехала вместе со своим мужем Вадимом. Его семья всегда мечтала о возможности отъезда — в Америке жили два брата бабушки Вадима, с которыми она хотела соединиться. Один из них был в концлагере. Когда всех повели на расстрел и начали стрелять, он чудом остался жив. По нему стали стрелять вторично. Пули просвистели мимо. Тогда офицер приказал прекратить огонь, взял Элика к себе, выдал ему справку, что он святой, дал еду и одежду и самолочку отправил из лагеря. Элик бежал в Бельгию, а оттуда — в США.

После приезда мы поселились в Филадельфию, где и проживаем в настоящее время.

На новом месте всегда нелегко, но эмиграция — это больше, чем новое место. Это инкобытие, где душа постоянно озирается, пытаясь идентифицировать себя, найти связь со своим телесным воплощением. Кто она? Кто я? Приживемся ли? Невозможно устроиться, не прижившись: пространство будет отторгать тебя, на какие бы ухищрения ты ни шел. Я бы сравнила это с живописью, где предметы и люди вырастают из линий и светотеней. Попробуй пририсовать к ним фигуру! Это ощущение пририсованности — пожалуй, самое острое ощущение первого времени. Что же касается устройства на работу, то судьба была к нам милостива. Вадим получил работу сразу, я тоже, но я решила от нее отказаться и поступила в аспирантуру Пенсильванского университета, где и защитила докторскую почти в день смерти моего учителя и друга Степана Петровича Ильёва.

Я продолжала преподавать в университете. Будучи аспиранткой Пенсильванского университета, я познакомилась с профессором известной кафедры бизнеса, учеником Канторовича, Ароном Каценелинбойгеном. Его теория предрасположенностей, связанная с общестемным подходом, увлекла меня, и я впоследствии разработала новый подход к драматическому жанру, базируясь на его идеях потенциала системы. Так постепенно рождалось понимание комедии в целом и чеховской комедии как комедии нового типа — в частности. У меня вышло несколько книг об этом в американских издательствах.

Мои планы практически не меняются: донести, написать, найти издателя... Пишу на двух языках. Мечтаю издать книгу о творчестве Ахмадулиной, Чехова, донести роман об отце, выпустить новый сборник стихотворений.

У меня в Одессе много друзей, дорогих мне людей и родных, с которыми я поддерживаю отношения.

Журнал "Гостиная" появился в 1995-м году. Идея была моя, но навеяна она была нашими беседами с Ароном Каценелинбойгеном. Журнал обрел многочисленных читателей и интересных авторов.

Без Одессы не мыслю себя. Я брожу по ее вечерним улицам, спускаюсь к морю, жду возвращения отца из очередного рейса... Клуб одесситов — в нескольких кварталах от дома, где я родилась. У нас во дворе и по сей день виноградные лозы вьются под моим окном. Я по ним так скучала, что когда наконец-то переехала в свой собственный дом в Филадельфию, стала мечтать, чтобы и у меня в дворике выросли такие же. И что вы думаете? Выросли! Сегодня эти лозы обвили весь нижний этаж, и я ощущаю их покровительственно — это мой отчий дом оберегает нас.

Записала Юлия ЦЫМБАЛ.

Марк ГИРШИН Виктор Бершадский

Я познакомился с ним во время его короткого приезда из Москвы. Молодой, уже член Союза писателей, печатается в "толстых" журналах. Помню, он возмущался: "На Выставке достижений сельского хозяйства золотили бетонные колосья, штуки шелка пошли на лозунги. На эти деньги можно было залатать все ржавые крыши Одессы!" В то время местные литераторы критиковать в газете завстоловую не смели без "согласованности" с "вышестоящими". А тут — гордость Н. Хрущева, ВДНХ — и "лучше бы залатали крыши, текут!" От него же я услышал о "системе государственного подкупа" писателей.

Мы ходили по тихим ночным улицам, он читал О. Мандельштама, помогая себе взмахом руки: "Я пью за военные астры, за все, чем корили меня, / за барскую шубу, за астму, за желчь петербургского дня..."

Или скорбные строки М. Цветаевой о В. Маяковском: "...Лишь одним, зато знатно / Нас лелевоц удивил, / Только вправо и знавший / Палить — а тут слевил / ...Выстрел в левую створку: / Ну в самый-те Центропел!"

Я впервые это слышал.

Георгий Иванов: "Эмалевый крестик в петлице / И серой тужурки сукно... / Какие печальные лица, / И как это было давно! / Какие трагические лица, / И как они страшно бледны — / Царевич, императрица, / Четыре великих княжны". Это ли не "миловость к павшим"!

Он был русский поэт "до кончиков ногтей".

А. Ахматова, Н. Гумилев, М. Кузмин — какой каскад имен! Их слова. Да кто в Одессе остался из тех, кто знал эти имена, помнил.

Пьянили слова, тем более — смел их декламировать на улице!

Он обладал тем, что называют "обаянием

таланта". Рано утром мне нужно было вставать на работу, но я не пожертвовал бы ни единой минутой с ним ради сна.

Скоро он уехал в Москву, где жил постоянно. Неожиданно он вернулся, гонимый манией преследования.

Она не замutilа его дар. Он так же чувствовал время: "Ничего тебе не сказал, / И то жизнь моя, как вокзал. / Много разных лиц и одежд, / А на поезд все нет надежд".

Умел словом-двумя дать тип в шуточных стихах: "На Сабанеевом мосту Шомушский встретился Листу. / "Брацлавский дрянь", — промолвил Лист. / "И дрянь, и слабый журнал-лист". / Но вот на Тешином мосту / Брацлавский встретился Листу. / "Да сгинет пусть Шомушский-Усть!" / И Лист ему ответил: "Пусть".

Он был жизнерадостный, кажется, у него даже не было врагов. Знал цену простому слову на своем месте. Простой еде. Однажды я приехал к нему на дачу. Он завтракал. Аппетитно хрустел огурцом. На столе — тарелка с мелкой соленой рыбешкой — тюлькой, зеленым луком, политым маслом. Помидор. Ломоть черного хлеба. Эту дешевую тюльку охотно ели одесские кошки. Без соли. В день его похорон моросил холодный дождик. Он сбивал последние листья с деревьев, они липли к кладбищенским оградкам, мрамору памятников. По только что набросанному холмику земли искали пути вниз ручейки, почему-то с жирными разводами.

Выступали от "Спилки". Писатели, уважительно к покойнику, шептались о финансовой стороне поминок.

Когда я шел к трамваю, меня обогнала оживленная их группа.

Константин А. ильницкий

Лиана

Ты словно лиана — тропический нежный цветок. Хотя, но не смеют твоей красоте причаститься. И тянется ветром качаемый тонкий росток, и ищет отчаянно, только бы зацепиться.

А если случится, быть может, в семействе большом найдутся желанный покой, и тепло, и радушие. И будет любовью до срока наполнен тот дом, но ветви твои на плечах обещаю удущье.

Цунами

Сколько лет приходил в Хиккадуву в вечернее время сумасшедший старик, о таких помнят в Ветхом Завете. Он кончал в океан и с волною размешивал семя, все рыбешки игривые были любимые дети.

Днем с кокосовой плошкой нередко бродил по базару: "Мне б детей накормить", — у кого-нибудь сердце сжималось. Рыбаки говорили, на деле не очень он старый. Просто было цунами — в живых никого не осталось.

Мне показывал член огорченно, уже, мол, не может: "Ты большой, помоги, мне не жалко, детей надо много". Хохотали мальчишки, мурашки бежали по коже. А старушки раскланялись, словно увидели Бога.